

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811.161.1*373(091)
ББК Ш141.12-03

Л. А. Глинкина
Челябинск, Россия

О ДИНАМИКЕ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена современному осмыслению развития слов категории состояния (СКС) в синхронии и диахронии. В научной лингвистике, вузовской и школьной учебной литературе по русскому языку сегодня нет терминологического единообразия и согласованности относительно квалификации семантико-грамматической природы СКС, а также их устойчивого статуса среди других частей речи. В условиях свободного выбора авторских программ и учебников такая ситуация негативно отражается на школьной лингводидактике и итогах обучения в общероссийском масштабе.

В статье обзорно представлен историко-лингвистический комментарий поэтапной лексикализации и грамматикализации имен определенной структуры с семантикой модальности, состояния и оценочности в предикативной функции. Особо выделены асистемные лексемы НАДО, НЕЛЬЗЯ, ЖАЛЬ. Обращение к историко-лингвистическим исследованиям и лексикографии показывает, что формирование СКС было результатом длительных системных исторических изменений при взаимодействии имен, местоимений и глаголов. Многовековой эволюционный процесс продолжается и сегодня, формируя уникальное восточнославянское (преимущественно русское!) языковое явление — СКС. Статья адресована учителям будущих филологов.

Ключевые слова: слова категории состояния, историко-лингвистический комментарий; эволюция местоимений, глаголов; лексикализация, грамматикализация.

L. A. Glinkina
Chelyabinsk, Russia

ON DYNAMICS OF CATEGORY OF STATE WORDS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. This article deals with modern comprehension of category of state words (CSW) development in synchrony and diachrony. In scientific linguistics, higher education and school educational materials on the Russian language there are no terminological uniformity and consistency about classification of the CSW semantics-grammatical nature, as well as their stable status among other words classes. Due to free choice of author's programs and textbooks this situation has negative effect on school linguodidactics and teaching results in all-Russian scale.

This article presents general history-linguistic comment on gradual lexicalization and grammaticalization of the definite structure nouns with semantics of modality, condition and attitudinality in predicate function. Special attention is paid to off-system lexical units LET (НАДО), MUST NOT (НЕЛЬЗЯ), IT IS A PITY (ЖАЛЬ). History-linguistic researches and lexicography demonstrate that CSW forming resulted from long-term systematic historical changes in the process of nouns, pronouns, and verbs interaction. Centuries-old evolution process is still active now, forming the unique east-Slavic (mainly Russian!) language phenomenon — CSW. The article is addressed to teachers of philologists to-be.

Keywords: category of state words, history-linguistic comment, evolution of pronouns and verbs, lexicalization, grammaticalization.

В современной русской языковой системе выделяется довольно обширное семантико-функциональное поле самостоятельных лексем, которые не имеют общепринятого квалификационного наименования и соответственно бесспорно своего места среди частей речи. В научной и учебной литературе о русском языке, а также в лексикографии сегодня их называют по-разному: имена состояния, безличные предикаты, стативы, предикативные наречия, но чаще — предикативы и слова категории состояния (СКС). Примем два последних названия в качестве идентичных основных рабочих терминов. Отсутствие единообразия в обозначении одного и того же объекта отражает обычно его сложную языковую природу или выбор разных параметров для терминологического наименования. То и другое касается нашего объекта.

Речь идет о словах, которые активно употребляются в самых разных речевых ситуациях, в разных стилях и жанрах современного русского языка:

в поэзии и прозе:

— Мне страшно и подумать, что мой язык был бы непонятен моим детям, а за ним — ... моя любовь ... к своему родному народу. В. Короленко.

— И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды. М. Лермонтов.

— Блажен, кто верует: тепло ему на свете. А. Грибоедов.

— С твоим талантом стыдно спать. Н. А. Некрасов;

— Дарить надо всегда то, что жалко отдавать. в текстах популярных песен:

— Хорошо на московских просторах...;

— Легко на сердце от песни веселой;

— Вместе весело шагать по просторам...;

в научной, деловой речи, публицистике, мемуарах:

Можно (полагать, считать, предположить или любой другой глагол в inf.); надо (иметь в виду, отметить и др.); важно (учесть, опираться на ... и

др.); необходимо соблюдать правила безопасности...; нельзя не отметить...; и т.д.

в стандартах языка СМИ; в рекламе, лозунгах и т.д.

— Здорово жить — здорово!;

— Надежно, выгодно, удобно!;

— Вкусно, как в детстве!;

— Вам будет в этом доме тепло и комфортно! и т.д.

в разговорной речи; в пословицах, поговорках, этикетных пожеланиях, народном быту:

— Беленько тебе похвалить! Здорово ночевать! и др.

— Обидно (думать, вспоминать, слышать и т.д.)

— Мало ли чего можно, да нельзя?!

— Стыд сказать, грех промолчать...

— Пора и честь знать; и др.

В «Пословицах русского народа», собранных В. И. Далем, встречаются не только дошедшие до наших дней, но и устаревшие теперь СКС:

— Легко найти счастье, а потерять и того легче;

— Худо жить тому, у кого ничего нет в дому;

— Где тонко, там и рвется;

— У кого густо, а у нас пусто;

— Надоть покликать, да надоть и посыпать.

— Не порно (=сильно), да ззорно. Отлежав бока, не любо взяться за молотило.

Выделенные слова объединяет ряд общих признаков:

— они неизменяемы, входят в состав сказуемого в безличном предложении;

— совпадают по словообразовательной структуре с наречиями, с краткими прилагательными в форме ср.р. ед.ч. им.п. и некоторыми существительными;

— передают семантику модальности или состояния.

Отечественные языковеды еще два века тому назад подметили своеобразное сочетание семантических, словообразовательных и грамматических признаков в словах, схожих по словообразованию с другими именами, и отметили нарастающую тенденцию к грамматикализации большого, но не безграничного круга лексем в качестве предикативов (СКС). История постепенного их открытия описана В. В. Виноградовым в середине XX века [Виноградов 1947: 389—420]. Начиная с конца XVIII — начала XIX века «странным» словам давали необычные названия: «спрягаемые прилагательные», «соименные» и «соглагольные слова», «сопрягаемые имена». Новым этапом в осмыслении языкового феномена стало углубленное исследование синтаксиса во второй половине XIX — начале XX вв. В центре внимания А. А. Потебни, А. А. Шахматова и их последователей оказалось изучение в русском языке предикативности и языковых средств выражения безличности. В итоге была выделена проблема влияния системных морфологических изменений на структуру простого предложения. Однако еще долго оставался открытым вопрос о месте своеобразного семантико-грамматического блока имен среди частей речи. В 1928 году Л. В. Щерба, рассматривая основы члестеречной классификации в русском языке, отнес, хотя и не без колебаний, слова типа нельзя, можно, надо, пора, жаль и т.д. к «особой категории состояния». Он писал: «Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке, которая не получила еще, а может, и никогда не получит общей

марки» [Щерба 1928: 76]. В основополагающем для русистики научном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» В. В. Виноградов ввел категорию состояния в структуру русской грамматики как самостоятельную часть речи [Виноградов 1947: 389—421]. Вскоре проблема статуса СКС в русском и других славянских языках стала темой дискуссии в лингвистической печати [Исаченко 1955: 48—49].

Тем не менее, и до наших дней термин *категория состояния* не обрел полной устойчивости в метаязыке лингвистической науки и в учебной практике. Чаше он дублируется терминами *предикат*, *предикативное наречие* [АГ-70, АГ-80, ИРЛЯ XIX в; СДРЯ XI—XIV вв.; МАС и др.]. Термин *СКС* не получил дефиниции в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»; тем не менее его широко используют в текстах научных, научно-популярных статей, в энциклопедических словарях и т.д. Своеобразная ситуация сложилась и в вузовских учебниках по современной и исторической грамматике русского языка. СКС не рассматриваются в них, за редким исключением, как отдельная часть речи в морфологии. В школьной практике также наблюдается разноречие: в большинстве учебников по русскому языку для 7 класса (а их в начале XXI века было несколько!) категория состояния не значилась как особая часть речи, и только в учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка В. В. Бабайцевой, а также в последние издания коллективного учебника под редакцией Н. М. Шанского с грифом стандарта для общеобразовательных школ включен теоретический и практический материал о СКС как о самостоятельной части речи [Русский язык: 2014].

Номинация «*категория состояния*» сегодня более прозрачна и мотивированна, чем привычные, давно десемантизированные термины-кальки, именующие все другие части речи: глагол, существительное, наречие, междометие и др. Можно согласиться со словами крупнейшего современного филолога М. В. Панова: «... школьное разбиение на части речи по-своему разумно. Оно приспособлено к методике преподавания, чтобы ученику легче было схватить сложные языковые явления, строгое же научное воззрение на язык требует полной последовательности и верности избранному принципу» [Панов 2006: 489—490]. Все сказанное наводит на мысль о позднем развитии СКС. Так ли это?

Сомнения снимаются проведенными в последние полвека фундаментальными историко-синтаксическими исследованиями В. И. Борковского [Борковский 1965: 32—52], В. Л. Георгиевой [Георгиева 1978: 261—268], А. В. Исаченко [Исаченко 1955: 48—50] и ряда других авторов. Опираясь на большой фактический материал, автор вслед за А. А. Потебней и А. А. Шахматовым рассматривает «предикативные наречия» как одно из лексико-грамматических средств оформления предикативности и безличности, формировавшееся столетиями и ставшее языковым феноменом как преимущественно славянское явление.

Историко-лингвистический комментарий любого объекта принципиально ретроспективен, поэтому оттолкнувшись в кратком обзоре от современного состояния СКС, обратимся к их лексико-

графической фиксации и к достоверным сведениям о функционировании в письменности на разных этапах истории русского языка.

Учитывая помету «предикатив» в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка [Зализняк 1980], отметим, что относительно полный лексический состав «предикативов» (=СКС) сегодня насчитывает около 120—150 единиц на 100000 слов русского лексикона. Этот достаточно большой материал неоднороден семантически, структурно-грамматически и генетически. В нем выделяется несколько групп и подгрупп.

1. Общая семантика состояния проявляется:

- в количественно ограниченной группе СКС, обозначающих состояние природы и окружающей среды (конечно, через чувственное восприятие человека): *дождливо, ветрено, морозно, пасмурно, сухо, ненастно, свежо, солнечно, скользко, слякотно*;

- в севернорусских народных говорах представлены СКС, передающие обобщенную оценку локальной ситуации, окружающей среды по какому-либо характерному избыливающему признаку с семами предметности и множества в определенном локальном пространстве: (где-то) *комарно, клопно, красно и ягодно, навозно, катко* [СДРЯ 1988: 192—196];

- при обозначении физических ощущений: *больно, горько, горячо, душно, темно, здорово, зябко*. И особенно часто — для передачи душевно-нравственного или интеллектуального состояния человека: *весело, грешно, грустно, досадно, (не)жалко, (не)засорно, (не)обидно, (не)приятно, печально, тревожно, скучно, (не)смешно, (не)удивительно* и др.;

- к последним близка оценочная лексика, характеризующая с морально-этических позиций состояние человека или действие: *(бес)полезно, (не)выгодно, (не)достаточно, глупо, (не)ловко, (не)логично, (не)мудрено, (не)уютно, (не)плохо, (не)бесполезно, (не)хорошо, (не)приятно, (не)прилично*.

В живой литературной речи особенно продуктивны положительные и отрицательные эмоционально-оценочные СКС, состав которых нередко расширяется за счет новообразований с заимствованными корнями: *(не)эффективно, (не)корректно, (не)этично, аморально, (не)комфортно* и др. Они могут сочетаться в составе предиката с инфинитивом и вступать в синтаксическую связь с Д. п. субъекта.

Названные ряды являются открытыми и составляют приблизительно 95% всего лексического состава СКС. Абсолютное большинство соотносится с качественными наречиями с суфф. -о-, которые восходят к кратким прилагательным в Им. п. ед. ч. ср. р. С теми и другими они вступают в оппозицию грамматической омонимии. В отличие от наречий, называющих признак глагольного действия или признак признака в простом предложении любого типа, омонимичные им предикативные СКС управляют инфинитивом и часто сочетаются с Д. п. субъекта в рамках односоставного безличного предложения. Будучи неизменяемыми, благодаря связкам *быть, стать, становиться*, они имеют грамматически оформленное наклонение и время (при нулевой связке в настоящем времени), а также в отдель-

ных случаях образуют сравнительную степень: *хорошо — лучше, плохо — хуже* и др.

2. Вторая группа СКС представлена словами с модальными значениями возможности, долженствования, необходимости: *можно* и устар. *не можно, (не) нужно, необходимо, (не) должно*. Они, как и предыдущий лексический ряд СКС с суфф. -о-, неизменяемы в роли предиката безличных предложений, грамматически омонимичны и генетически связаны с краткими прилагательными и адъективными страдат. причастиями, которые согласуются с подлежащим двусоставного предложения.

3. Особый ряд составляют СКС, которые восходят к существительным со сложной синкретической семантикой субъективной модальности, морально-этической квалификационной оценки ситуации или действия. Эта генетически субстантивная группа СКС, как и две предыдущих, имеет свойства СКС только в безличном односоставном предложении, обретая неизменяемость в сочетании с инфинитивом: *(не) грех, (не) жаль, досада, (не) охота, стыд, срам, смех, страх, ужас + inf*. К этому ряду близки субстантивные СКС с модально-временной семантикой: *время — не время, досуг — недосуг, пора*.

4. Ни к одной из выделенных групп не примыкают модальные по семантике «истинные» СКС *надо* и *нельзя*, которые не имеют грамматических омонимов и претерпели структурные и фонетические изменения.

Итак, все группы выделяемых и более сотни других СКС восходят к именам, абсолютное большинство их грамматически омонимично наречиям на -о и кратким прилагательным в форме Им. п. ед. ч. ср. р. Источники тех и других кроются в глубинных процессах разложения синкретичного предметно-атрибутивного праславянского класса имен на два самостоятельных подкласса. Их становление как лексико-грамматических классов существительных и прилагательных было, несомненно, мотивировано рядом факторов: развитием грамматического рода; одновременными или близкими по времени проявлениями категории определенности в атрибутивных именах; слиянием в единую словоформу атрибутивного имени и указательного местоимения *и*, рождением оппозиции кратких и полных (местоименных) прилагательных. Далее следовали системные изменения в словоизменении тех и других в связи с синтаксической дифференциацией (утрата падежного изменения краткими формами в функции сказуемого и грамматикализация предиката в форме Им. п.); постепенное закрепление кратких форм в Им. п. ср. р. ед. ч. (обычно с инфинитивом в форме сказуемого безличных предложений) [Георгиева 1978: 64—65] и параллельная адвербиализация кратких форм в косвенных падежах; утрата связки *н-сть* в форме 3 л. ед. ч. от гл. *быти*.

Этот многосложный процесс отразился уже в древнейших русских памятниках. В научной литературе по историческому синтаксису [Борковский 1965, 1968; Георгиева 1968] и в историко-лексических словарях [XI—XIV вв.] зафиксированы самые ранние случаи синтаксического функционирования в качестве предикатива ряда единиц, составлявших древнее ядро СКС. Учитывая основные

вехи периодизации истории русского языка, обратимся к конкретному языковому материалу.

В древнерусский период XI—XIV вв. — нач. XV в. зарегистрированы предложения со словами *годѣ* (150 уп.), *гоже, годно* (25 уп.), *лѣпо* (392), *добра* (290 уп.), *льгько* (29), *тяжько, трудно, любьно* (1 уп.), *льзѣ, нельза* (1 уп.), *надобѣ* (86): ... *аще о(т) ловьць оуловать рыбы и годѣ боудеть нгоумену; да гадать мниси рыбы*. XII—XIII в. [СДРЯ, II: 347]; *Добро есть надѣтиса на гса бга нежелн на чка*. XIV в. [СДРЯ, II: 481]; *и бысть льгько по волости Новоугороду*. XIII — XIV вв. [СДРЯ, IV: 445]; *нѣсть бо бинахъ заповѣдехъ тяжько, трудно и легько*. XIV вв. [СДРЯ, IV: 445]; *дам ему елико ему будеть тревѣ*. Как отмечает В.Л. Георгиева, в ранних текстах XII в. чаще всего предикативно-наречные конструкции выражают состояние лица или множества лиц. Автор отличает характерную для следующих хронологических срезов передачу семантики состояния окружающей среды в предложениях с предикативно-наречными сочетаниями: *мирно быс* XII в.; *темно бо бѣ* XIII в.; *бысть тако и того грознье в Киевѣ* XIII в.; *зелено баше* XIII в.; *тепло, дъжье, страшно и лютьѣ* XIV в. [Георгиева 1978: 292—298].

Начиная со старорусского периода (XV—XVI вв.) шло непрерывное расширение круга СКС и семантики их употребления. Появились десятки слов оценочного характера: *бысть, ведряно, солнечно и красно* (XVI в.). Среди них: *праведно, прибыльно, хорошо, обильно, жестоко, голодно, нечестно, многолюдно, супротивно, нем#тежно* [Георгиева: 292—295]. В ряде случаев семантика состояния стирается, а при адъективации страдательных причастий она сливается с модальной.

Обороты и предложения с безлично-предикативными наречиями широко использовались в летописях, в посланиях Ивана Грозного, в «Житии Аввакума» и в других памятниках письменности, в той или иной мере отражавших живую разговорную речь. По данным «Словаря делового языка XVIII в. Восточная Сибирь, Забайкалье», в текстах этого региона отмечены в роли сказуемого свои, необщерусские СКС: *надоть, занужно, подлежательно, пристойно, нужно-потребно* [Майоров 2013: 47, 152, 275].

Динамика в развитии СКС проявлялась не только в пополнении их лексического состава, но и в утрате некогда активных единиц. Например, слово *лѣпо* в древнерусских текстах часто встречается в значении «прилично, годится, следует»; сочетание *лѣпо*: *Не лѣпо с личными формами гл. бытия и inf.* Любому грамотному человеку памятно как часть сказуемого начало «Слова о полку Игореве»: *Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ...*

Возможно, структуры с личной формой глагола в 3 л. и инфинитивом были древнейшей синтаксической конструкцией переходного типа при лексикализации наречий в СКС в процессе постепенной трансформации двусоставного предложения в безличное. Речь идет о достаточно поздних явно двусоставных предложениях с препозитивным инфинитивом типа:

Вино пить горько, и сдѣть ево не сладко. Посл. XVII—XVI вв. [Глинкина 1998: 71].

В древнерусском и в современном русском языке весьма частотно модальное СКС *нужьно* «следует, необходимо, требуется» [СДРЯ 1988: 71]. Оно восходит к **nud-ja* — старослав. *ноужьда*, древнерусск. *ноужа* «необходимость, бедствие, бедность, печаль», от которого образованы прилагательное *нужный* и наречие *нужно*. Наряду с ним функционировал синоним-архаизм *треба* «нужно, надо». Во многих современных славянских языках есть такое предикативное слово в значении категорического «нужно» и нередко рядом со связкой *je* [Черных 1994: II, 250]. Оно образовано от **terb* — «жертва, необходимость чего-либо, настойчивая просьба». Понимание того и другого СКС поддерживают корневые гнезда. Ср. живые однокоренные слова: *потребность, употреб-лять, потребительский*.

В особом историко-лингвистическом комментарии нуждаются лишь отдельные СКС с непрозрачной исходной семантикой и структурой: *надо, нельза, жаль*. А. М. Пешковский считал их «бесформенными» словами «вне частей речи». Историко-этимологические данные показывают, что каждое из этих слов среди системно обусловленных рядов сформировавшихся СКС прошло своеобразный путь развития. *Надо* — в знач. сказ. «нужно, должно, необходимо» (в говорах: волог. *надобе*, арх., олон. *надобеть*), в других славянских языках отсутствует: ему соответствует *treba / traba / je rootrebno* и др. варианты этого слова. Возникло из *на добѣ*, которое восходит к предложно-падежной форме древнерусского существительного *доба* — «пора, время, сутки, эпоха» в местн. п. ед. ч. и близко к значению «в пору, во время, в добрый час» [Черных 1994: I, 557], или, как подсказывают севернорусские говоры, а также старорусские и старобелорусские тексты, образовывалось от *надоба* — ж.р. — «нужда, потребность», от которого производно прилагательное *надобный*. Праславянский корень **dob-* отличался многозначностью и семантическим синкретизмом. Этимологическое гнездо включает множество обособившихся производных слов, далеких от темпорального значения. Ср.: *доблесть; подобный; сдоба; удобрение; удобный; снадобье*. Это подтверждают и другие славянские языки [Черных 1994]. В СДРЯ XI—XIV вв. *надобѣ* зафиксировано в роли сказуемого в значении «нужно, необходимо», начиная с грамот XII в. и заканчивая текстами начала XV в., с отрицанием же — нередко в двусоставном неполном предложении как несогласованное краткое прилагательное в роли сказуемого (= «не касается, не имеет отношения»: ... *Новгороду не надобѣ*, Гр. 1262 [СДРЯ, V: 138]. «Усеченная» форма *надо* отмечена лишь один раз в значении «должно»: *Тако како грамот написано, тако имъ надо всею землю отступит...* Трам. Черд. 1264 [Срезн. II: 278]. В словаре языка XVIII в. вариант *надобѣ* и *надо* — равноправные конкуренты. В XIX и XX в. — старинная форма *надобѣ* становится просторечием и диалектизмом, а *надо* — литературным и межстилевым СКС, тем более, что оно, в отличие от синонимов *нужно, необходимо* и однокоренного просторечного *надобно*, не имеет грамматических омонимов. О прочном статусе СКС *надо* в

современном живом языке говорят фразеологизмы с этим компонентом: *надо думать, надо полагать, надо же!* Так [Дат. лица] и *надо!*

Одно из самых загадочных по мотивации СКС — *нельзя*. Будучи весьма частотным в устной и письменной речи, оно немногозначно, единообразно определяется в современных толковых словарях как «наречие в значении сказуемого, обычно с неопределенной формой глагола в значении «нет возможности, невозможно, не следует, не должно, не дозволено» [МАС 1981—1984: II, 453]. Конечно, отрицательное значение связано с приставкой *не*, но предполагаемый корень *-льз-/-льзя-* не соотносится сегодня ни с одним корневым гнездом. Все становится ясно при обращении к историко-лингвистическим источникам и к словарю В. И. Даля. В нем выделен «гл(агол) безл. в виде нар(ечия)» *нельзя* и приводятся его диалектные варианты: «*нелъзи* — смл., кур., арх.» и *нелъга* («нелъготно, невольно»), а также «зап. *негля* — невозможно, запрещено, несбыточно, не может статься»: *Нелъзя солнышку подважды в сутки обходить* [Даль, II: 522]. Итак, древний корень знал чередование г/з. Слово встретилось в ранних древнерусских текстах Изб. Св. 1070 г., Смол. гр. 1229, Рус. пр. сп. 1280, и др. В СДРЯ XI—XIV в. отмечено 127 употреблений в формах *нелъзѣ, язѣ, (нѣсть) лъзѣ; и не ...аше лъзѣ ни ити ни повлещи отъ мѣножитльства людни*. Ск. Б. Г. XII в.; ... *не лъзѣ его въверечи въ погребѣ ... лъзѣ его въ железа въсадити*. Гр. 1229, [СДРЯ IV: 447—448], единично употребление в варианте *нелъга* (*нелга*) [СДРЯ V: 295]. Сопоставление с другими славянскими языками показывает, что слово бытует в том же модальном значении в чеш. *nelze*, словац. *nelza*, польск.-устар. *nie lza > nielza*, белорус. *нелъга* = *неможно* [Черных, I 1994: 568]. Несомненно одно: слово восходит к праславянскому **lyg-a* «облегчение». Расчленение древнего синкретичного образования, отражение третьей палатализации привело к дестимологизации и отторжению от других производных праславянского общего корня: *нелъзя* — *лъгота, легко, польза* и др. Впрочем, еще в начале XIX в. не вызывало удивления слово *лъзя* = «можно». В сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок» читаем:

*Эко диво! — все кричали,
Мы и слыхом не слышали,
Чтобы лъзя похорошеть!*

Индивидуальная история частотного, неизменяемого, также не имеющего сегодня грамматических омонимов СКС *жалъ* позволяет связывать его с системными изменениями других СКС, соотносительных с существительными (ср. *стыд, срам* и т.д.). В нем еще «проглядывает» предметность в широком понимании. В словаре В. И. Даля оно дано в синонимическом ряду со словами *жалость, жалоба* — «сострадание, соболезнование, печаль, траур» и иллюстрируется примерами, где слово *жалъ* употреблено в разных падежных формах как сущ. жен. р.: *Человек жалью живет. Не предавайся жали. Быть в жали...* Однако блестящее языковое чутье В. И. Даля подсказало ему и специфику употребления слова в отдельных конструкциях: *Жаль батька, а везти на погост! Чужаго (бурака) жалъ, а своего стыдно*. В совре-

менном укр. яз. лексема *жалъ* функционирует как сущ. муж. р.: *великий жалъ, жалъ взяв за сердце*.

В других славянских языках есть однокоренные образования от **žal*, но предикативному русскому СКС соответствуют другие единицы: *jest szkoda, je lito*. В роли сказуемого слово *жалъ* выступало еще в древнерусском языке XI—XIV вв. В СДРЯ отмечено 14 употреблений: в Лавр. лет., Рус. правде: ... *жалъ есть на* (кого) ..., *жалъ башеть...*, *лошадн жалъ, а самого* (т.е. смерда) *не жалъ ли*. Лавр. лет. XIV в. Видимо, в контекстах со спрягаемым глаголом (*жалъ ксть, жалъ башеть*) имя еще сохраняло свое исконное категориально-грамматическое значение предметности в отличие от бессвязочных текстуальных ситуаций, когда лексема *жалъ* оказывалась единственным главным словом безличного предложения. За два последних столетия произошло вытеснение грамматического омонима *жалъ* синонимическими производными *жалость, сожаление*, а исходная форма закрепилась в русском языке как «чистое» СКС. Впрочем, о его субстантивном происхождении говорит управление другим именем в Р. п.:

*Уж не жду от жизни ничего я,
И ничуть мне прошлого не жалъ*. Лерм.

Краткий экскурс в историю СКС показывает, что формирование этого лексико-семантического и одновременно грамматического класса русского лексикона прошло многовековой путь — от праславянского до современного этапа. Главные вехи этого процесса были обусловлены развитием имени при параллельном взаимодействии семантико-понятийных категорий состояния, оценочности, модальности и закрепления в ходе синтаксического функционирования лексических единиц в определенной грамматической форме, иными словами, в результате лексикализации и грамматикализации. В центре всех изменений — развитие человеческих чувств и их языкового оформления. Самое удивительное в том, что СКС в ходе своей более чем тысячелетней истории оказались наиболее продуктивными в восточнославянских, а особенно — в русском языках [Исаченко 1955: 65]. Антропоцентрический подход к осмыслению традиций и нового языкового материала в сфере выражения оценочности и категории состояния, расширение синтаксических границ и набора языковых моделей: слов, фразеологизмов, простых и сложных предложений, вовлечение иноязычных единиц (*быть в шоке, в трансе* и др.) в сферу выражения состояния подтверждают правомерность слов Л. В. Щербы, написанных почти сто лет тому назад: «несомненными для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях» [Щерба 1928: 76]. Полагаем, что научные поиски относительно статуса СКС в системе и структуре и впредь будут природой и функциональной спецификой и статуса СКС углубленным изучением когнитивной лингвистики, этнофилософии и сравнительно-сопоставительного изучения эволюции СКС соотносительных внутрисистемных факторов в славянских и неславянских языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабайцева В. В.* Русский язык. Теория. 5-11 кл. Учебник для школ и классов с углубленным изучением русского языка. — 3-е изд., испр. — М.: Дрофа, 2000. — 432 с.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 1965. — 559 с.
- Борковский В. И.* Изменения в структуре простого предложения в восточнославянских языках // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. — М.: Наука, 1968. — С. 32—52.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.; Л., 1947.
- Георгиева В. Л.* Безличное предложение // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / под ред. В. И. Борковского. — М., 1978 — С. 261—265.
- Глинкина Л. А.* Грамматическая вариантность в истории русского языка: дис. ... докт. филол. наук (в форме доклада) / Л. А. Глинкина. — Екатеринбург, 1998. — 111 с.
- АГ-80. Грамматика русского языка. Т. I—II / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980.
- ДГРЯ. Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / В. В. Иванов, С. И. Иорданиди, Л. В. Вялкина, Т. А. Сумникова, В. Б. Силина, В. Б. Крысько; отв. ред. В. В. Иванов. — М.: Наука, 1995. — 519 с.
- Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100000 слов. — Изд. 2-е, стереотип. — М.: Русский язык, 1980. — 879 с.
- Исаченко А. В.* О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // Вопросы языкознания — 1955. — № 6. — С. 47—65.
- Панов М. В.* Части речи в русском языке // Энциклопедический словарь юного лингвиста / сост. М. В. Панов. — 2 изд., перераб. и доп. — М.: Флинта. Наука, 2006. — 544 с.
- Майоров А. П.* Словарь делового языка XVIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье. — М.: Азбуконик, 2013. — 584 с.
- МАС. Словарь русского языка. В 4 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.
- Русский язык. 7 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. ФГОС. Рекомендовано Мин-вом образования и науки РФ. II изд. / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, [и др.]; науч. ред. Н. М. Шанский. — М.: Изд. Просвещение, 2014. — С. 127—131.
- СДРЯ. Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. В 10 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. — М.: Рус. яз., 1988.
- Современный русский язык. — Изд. 3-е испр. и доп. / под ред. В. А. Белошапковой. — М.: Азбуконик, 1997. — С. 590—594.
- Тарланов З. К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. — Петрозаводск, 1999. — 207 с.
- Четыре тысячи наиболее употребительных слов русского языка. Учебный словарь для зарубежных студентов / под ред. Н. М. Шанского. — М.: Русский язык, 1970.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. 13560 слов. Т. 1—2. — 2-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1994.
- Шведова Н. Ю.* Изменения в системе безличных предложений // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века / под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1964. — С. 241—368.
- Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке / Русская речь. — 1928. — Вып. II.
- Избранные работы по русскому языку — М.: Госпедгиз Минпром РСФСР, 1957.

REFERENCES

- Babaytseva V. V.* Russkiy yazyk. Teoriya. 5-11 kl. Uchebnik dlya shkol i klassov s uglublennym izucheniem russkogo yazyka. — 3-e izd., ispr. — M.: Drofa, 2000. — 432 s.
- Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S.* Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. — 2-e izd., dop. — M.: Nauka, 1965. — 559 s.
- Borkovskiy V. I.* Izmeneniya v strukture prostogo predlozheniya v vostochnoslavjanskikh yazykakh // Slavyanskoe yazykoznanie. VI Mezhdunarodnyiy s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968 g.). Dokladyi sovetskoy delegatsii. — M.: Nauka, 1968. — S. 32—52.
- Vinogradov V. V.* Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. — M.; L., 1947.
- Georgieva V. L.* Bezlichnoe predlozhenie // Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis. Prostoe predlozhenie / pod red. V. I. Borkovskogo. — M., 1978 — S. 261—265.
- Glinkina L. A.* Grammaticheskaya variantnost' v istorii russkogo yazyka: dis. ... dokt. filol. nauk (v forme doklada) / L. A. Glinkina. — Ekaterinburg, 1998. — 111 s.
- AG-80. Grammatika russkogo yazyka. T. I—II / pod red. N. Yu. Shvedovoy. — M.: Nauka, 1980.
- DGRYa. Drevnerusskaya grammatika XII—XIII vv. / V. V. Ivanov, S. I. Iordanidi, L. V. Vyalkina, T. A. Sumnikova, V. B. Silina, V. B. Kryisko; otv. red. V. V. Ivanov. — M.: Nauka, 1995. — 519 s.
- Zaliznyak A. A.* Grammaticheskii slovar russkogo yazyka. Slovoizmenenie. Okolo 100000 slov. — Izd. 2-e, stereotip. — M.: Russkiy yazyk, 1980. — 879 s.
- Isachenko A. V.* O vozniknovenii i razvitiy «kategorii sostoyaniya» v slavyanskikh yazykakh // Voprosy yazykoznaniiya — 1955. — № 6. — С. 47—65.
- Panov M. V.* Chasti rechi v russkom yazyke // Entsiklopedicheskii slovar yunogo lingvista / sost. M. V. Panov. — 2 izd., pererab. i dop. — M.: Flinta. Nauka, 2006. — 544 s.
- Mayorov A. P.* Slovar delovogo yazyka XVIII veka. Vostochnaya Sibir. Zabaykale. — M.: Azbukovnik, 2013. — 584 s.
- МАС. Slovar russkogo yazyka. V 4 tomah / AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A. P. Evgenyevoy. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Russkiy yazyk, 1981—1984.
- Russkiy yazyk. 7 klass. Uchebnik dlya obscheobrazovatelnykh organizatsiy. FGOS. Rekomendovano Min-vom obrazovaniya i nauki RF. II izd. / M. T. Baranov, T. A. Ladyzhenskaya, [i dr.]; nauch. red. N. M. Shanskiy. — M.: Izd. Prosveschenie, 2014. — S. 127—131.
- SDRYa. Slovar drevnerusskogo yazyka XI—XIV vv. V 10 tomah / AN SSSR, In-t rus. yaz.; gl. red. R. I. Avanesov. — M.: Rus. yaz., 1988.
- Sovremennyiy russkiy yazyk. — Izd. 3-e ispr. i dop. / pod red. V. A. Beloshapkovoy. — M.: Azbukovnik, 1997. — С. 590—594.
- Tarlanov Z. K.* Stanovlenie tipologii russkogo predlozheniya v ee otnoshenii k etnofilosofii. — Petrozavodsk, 1999. — 207 s.
- Chetyre tyisyachi naibolee upotrebitelnykh slov russkogo yazyka. Uchebnyiy slovar dlya zarubezhnykh studentov / pod red. N. M. Shanskogo. — M.: Russkiy yazyk, 1970.
- Chernyy P. Ya.* Istoriko-etimologicheskii slovar russkogo yazyka. 13560 slov. T. 1—2. — 2-e izd., stereotip. — M.: Russkiy yazyk, 1994.
- Shvedova N. Yu.* Izmeneniya v sisteme bezlichnykh predlozheniy // Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka / pod red. V. V. Vinogradova i N. Yu. Shvedovoy. — M.: Nauka, 1964. — S. 241—368.
- Scherba L. V.* O chastyakh rechi v russkom yazyke / Russkaya rech. — 1928. — Vyip. II.
- Izbrannyye raboty po russkomu yazyku — M.: Gospedgiz Minprom RSFSR, 1957.

Данные об авторе

Глинкина Лидия Андреевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку, Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск).

Адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.

E-mail: paleo17@mail.ru.

About the author

Glinkina Lidia Andreevna — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language, Chelyabinsk State Pedagogical University (Chelyabinsk).